

*Человечество так печально,
Господи, и океан такой синий.*

Сюсаку Эндо. Молчание

Похоже на коан, правда?

Слова Эндо.

Название книги.

Вроде бы всё понятно, логично, зримо.

Но...

Коан решается озарением, не логикой, нет.

Истинная природа постигается в тишине ума.

Как цунами сообщает своих предвестников, так и простота слов—лишь поверхность.

Книга «Владивосток—Япония: два часа до встречи» вышла в Приморье, в «Дальиздате». В июне 2020 года благополучно её получила, и следом—сообщение от составителя: «Буду ждать мнений и впечатлений. Спасибо». Да, конечно.

Наша встреча с книгой—отдельный рассказ. Улыбалась о ней задолго до выхода. Мало что зная о создателях и об авторах, тем не менее—книгу я ждала. Давно и прочно интересуюсь буддизмом: собираю всё, что можно. Поразила совершенно история статуи Будды Мира во Владивостоке. Не ведая о грядущем «потопе» (читай—пандемии), тихонько порадовалась: рядом есть Будда. Не так заковыристо добираться, как до бурятов,—всего-то два часа до встречи. Так подумалось—подспудно, на всякий случай. А потом наступил март, и от моих южно-азиатских Будд, с которыми давно сроднилась, остались улыбки и фотографии. Время «чеширских котов», но—аминь.

Книга красивая, со вкусом и с душой сделанная—полноцвет, мягкий переплёт. Внутри—та самая история статуи Будды и шестьдесят эссе—русских, японцев—шестьдесят попыток контакта, состоявшихся или не вполне, лёгких, трудных, разных. Оформление обложки—Хироаки Мияяма. Японский художник. Не знаю, но узнаю. Узнаю, что у книги есть сестра-близнец, вышедшая в Японии на родном ей языке. Узнаю о Мацунаге-сан—подвижнике, чьими стараниями Будда во Владивостоке появился. Узнаю автора и составителя проекта—Ольгу Мальцеву, журналиста-

международника, преподавателя высшей школы. В мою жизнь ворвётся добрая часть Владивостокка, Приморья, Японии, Дальнего Востока вообще. И ещё дальше: кто же знал, что я пойду дальше—на Запад?.. Или на Восток? На Юго-Восток? Вдаль, вглубь? В себя?.. Обратная перспектива работает постепенно. Простота и лёгкость смыслов вдруг обнаруживают глубину, на которую ты не в силах опуститься—не хватает ни умения, ни воздуха. «Посредством слова нельзя передать другому свою мысль, а можно только пробудить в нём его собственную»,—записал русский философ А. А. Потебня. Прав; читая книгу, я вижу, слышу, шевелю жабрами, но—так и барахтаюсь на поверхности: «океан такой синий»...

Свой—чужой

Люблю мосты. Любые: осанистые, прочные (японские мосты на Сахалине стоят до сих пор, а уж сколько лет прошло со времён Карафуты), лёгкие подвесные конструкции, верёвки, тросы, дощечки, сшитые металлическими скрепами. Люблю выйти на середину и смотреть, если не в бездну, то вдаль. На самом хлипком мосту спокойнее, когда шумно на берегах.

«Я родилась в то время, когда...»—есть такой соблазн: присвоить прошедшее время, когда людей выращивали в оппозиции Свой-Чужой. Присвоить и замкнуть на себе. Оставить прошлое в прошлом. Но нет, оно—всегда настоящее. Единственно возможное. Своё... Чужое... Иначе бы не появлялись подобные книги-мосты. А они появляются, как португальские миссионеры в романе Эндо. Заходят на чужую территорию, постепенно становясь своими. Действуют тайно, сообщая тайное, превращаясь в таинство приобщения. Метафора—нет, не избыточная. Свой-Чужой кормится мифами, предрассудками, страхами, его легко расчеловечить, убедить, что на той стороне—голем, глина необожжённая. Варвар, дикарь, что угодно,—не человек. Удобный механизм разобщения. О чём говорить? С кем? Пропасть. Свои-Чужие нарезают пространство, рисуют границы и демаркационные линии, отстаивают национальные интересы, разрывают связи. В книге часто об этом: независимо

от возраста, русские и японцы подсознательно готовы бояться друг друга, следуя за химерами, своими ли, навязанными кем-либо — не суть. Суть — страх порождает две непосредственные реакции: 1) спрятаться, 2) напасть, уничтожить, стереть с лица земли.

Свой... Чужой... Взаимное высокомерие разобщает не только страны. Внутри моей страны проживает более ста двадцати народов, народностей, национальностей. Государственный язык — один. Местами — ломанный-переломанный. К примеру, в Швейцарии четыре государственных языка. Ну хорошо, допустим, язык должен быть один. Но какой смысл учить китайский, если внутри страны Юг не понимает Север?... В книге почти все авторы эссе начинают диалог культур с изучения языка — русского ли, японского. Логично. Но... Насколько это инструмент понимания? Необходимый минимум, чтобы научиться читать, слушать, перемещаться, переводить, строить бизнес... Понимать? Нет — поверхность.

«Предварительно беседуя со студентами, расспрашивая их, я был удивлён, что японцы почти ничего не знают об истории наших отношений с Россией. Было грустно чувствовать, что в Японии недостаточно исторического образования и нет мотивов понять другие страны. Я думаю, для десятка студентов, участвовавших в нашем проекте, он стал хорошим поводом больше узнать и понять Россию».

Такаюки Тамаи

«После окончания Второй мировой войны Тамакисан как военнопленный три года находился в лагере под Читой. Отношение русских, их поддержка и помощь оставили неизгладимый след в его сердце. Вернувшись домой, он принял решение ухаживать за могилой русских моряков, о которой знал с детства. На вопрос: „Почему?“ — Тамаки-сан отвечает, что эти русские были воинами и защищали свою страну. „Я вернулся к своей матери, а они — нет. И я понял, что должен позаботиться об их душах“».

Елена Андреева

«На наш вопрос, пристало ли православному человеку ухаживать за статуей Будды, митрополит Вениамин однозначно ответил: „Пристало. Это не вопрос веры, а вопрос культуры“. Воистину, Культура — объединитель народов!».

Ольга Кожемяко

Сюсаку Эндо — писатель-католик, председатель Японского союза писателей (1967), создатель одного из знаковых романов двадцатого века — «Молчание». Несколько раз Эндо выдвигался на Нобелевскую премию, но не получил её. В принципе, для себя я нашла причины. Но премии — не показатель ничего. «Молчание» стало моим коаном, который решала всю жизнь.

Почему возможно на территории Японии спокойное сосуществование синто и буддизма? И с таким трудом восприятие христианство? Почему вообще в Азии (в том числе и в наших краях) всё трудно с христианством? Любые духовные практики находят здесь общий язык, проникая друг в друга, создавая новые школы и смыслы, обрастают последователями и творческими идеями... Что не так с Благой Вестью? Ведь наиглавнейший её принцип — возлюби — проповедуют все без исключения...

Другой

«Когда человеку навязывают то, что ему совершенно не нужно, у нас это называется горе-благоденствие. Христианская вера — такой же подарок. У нас есть собственная религия. И мы не нуждаемся в чужеземном учении. Я тоже изучал в семинарии догматы христианской веры. И, по правде сказать, не нашёл в ней ничего, что могло бы пригодиться японцам». По сути, эта цитата из «Молчания» должна бы закончить предыдущую мою главу. Но она же — отправная точка для новой. Существует ли путь сближения с Чужим за пределами «изучения догматов»? Безусловно. Непосредственное понимание — превращение Чужого в Другого. Живая жизнь, не требующая знания языка и культурных кодов. Необходимое внимание к нуждам человека. Принятие его сути как своей. Ведь Другой — человек. Он отличается, но он — человек. Хочет есть, спать, крышу над головой, тепло и внимание ему показаны. Покая хочет и милости. Любви. Возможности жить и — быть.

Об этом в книге много: люди пускаются в путешествие, кочуют по островам и материкам, в моменте постигая Другого, оставляя ему и себе право на столь необходимую свободу быть — самим собой. Именно там, где человек воспринял другую культуру как свою, возможно синтезировать новые смыслы, обретая себя в том, Другом. Потому что между собой эти Другие — разговаривают. Не словами, но сущностями. Их путь — не правота, но право, не вера, но доверие, открытость и доброжелательность. Где-то здесь есть место изумлению, а стало быть, и любви.

«Рассказывая о России, всегда слышу один и тот же вопрос: „Почему ты так любишь эту страну?“ Вот как я люблю Россию? Меня не волнуют ни Пушкин, ни балет Большого театра. Я такова, что могу, например, мчаться по Эрмитажу и рассматривать понравившиеся картины произвольно. Петербург прекрасен, но разве не так же чудесны Париж и Вена? Меня привлекает повседневная жизнь людей в России. Кавказец — продавец шашлыков, покрытые строительной пылью рабочие-иммигранты из Средней Азии, Китая и Северной Кореи, молодые студенты-стажёры из Китая и Южной Кореи, бабушка, продающая на

арктическом холоде шуршащую туалетную бумагу, дедуля, красиво разложивший всякое барахло вроде водопроводных деталей, скинхед, который напугал меня, схватив за голову. Каждая картина аккуратно помещена в рамку воспоминаний. Как бы то ни было, моё сердце заставили учащённо биться не прекрасные русские балерины, здания или литература, а мусор, выброшенный на берег далёкой провинции».

Сатоко Араяски

«Мэйсю-сама писал: „По отношению к цветам я никогда не поступаю своевольно. Всегда стараюсь ставить их в наиболее естественном положении, поэтому они бодры и долго стоят. Разговариваю с цветами, стремлюсь понять и выразить душу цветка. Если этого не делать, цветы не будут счастливы“.

Составляя цветочную композицию, я всегда помню об этом. <...>

Во всех живущих на Земле людях, во всём сущем на Земле светится жизнь создавшего всё Бога (Большой Природы), и если осознающих это людей станет больше, то, мне кажется, станут невозможны конфликты, вызванные религиозными и идеологическими разногласиями, борьбой за обладание ресурсами.

На большую-большую Россию, на такую родную мне Россию, на россиян, обладающих широкой душой и добрым сердцем, я возлагаю в этом смысле самые большие надежды».

Митио Вадамори

Аматерасу—верховная богиня синто—однажды рассердилась на людей и спряталась в пещеру, погрузив мир во мрак. Никто не знает, как она выглядела. О её существовании напоминают ворота-тории перед синтоистскими храмами. В южной части Сахалина они стоят повсюду. Для храмов выбирали лучшие места, непременно на возвышенности, само здание было скрыто от глаз, но панорама, открывающаяся от его ворот, захватывает дух. Одушевлённость всего—суть синто.

Образ Будды изначально был столь же символичен: пустой трон, дерево бодхи, следы ступней, колесо дхармы и тому подобное. Первые антропоморфные изображения Будды появились под влиянием греко-буддизма. Это времена Греко-бактрийского и Индо-греческого царств, походов Александра Великого и расцвета Кушанского царства (IV в. до н.э.—V в. н.э.). Греко-буддизм нарушил волю самого Будды—не изображать его телесной оболочки, более того—он заметно повлиял на развитие буддийского искусства и самой буддийской мысли, порождая синкретических божеств, объединивших разные этносы. То есть ещё до того, как буддизм шагнул в Центральную и Северо-Восточную Азию: в Китай, Корею и Японию,—он уже имел опыт понимания Другого как себя самого. Умел дружить. Понятно

теперь, почему на территории Японии боги синто не обеспокоились пришествием нового божества: проповедники объяснили местных воплощения Будды одним проявлением вездесущего божества синто. Однако, путь. Разделение труда, объединение паствы. Мирное соседство Других.

Иной

Тот самый человек на мосту. Оказавшись на стыке культур, балансируешь между. Ни Свой, ни Чужой, ни Другой—тем более. Сам по себе. Ни к кому не пристал. Да и надо ли? Одиночка, соблюдающий нейтралитет. По крайней мере—внешне. Насколько вообще применимы оценки «хорошо/плохо», «правильно/неправильно» в жизни человека, для меня—вопрос. Стоишь на мосту, жизнь вокруг кипит. Для тех, кто на берегу, по сути, тебя нет. Да и для самого себя не вполне существуешь. Или существуешь?..

Об этом тоже есть в книге.

Кольнёт вдрут.

Больно, неудобно?

Ну что ж...

«Япония—это камни, которые постоянно потряхивает, а иногда заливают водой. Японцам никогда не забыть того, что они живут на камнях и воде, у подножия вулканов. В этом—какой-то важный месседж для Японии. Столь же важный, как мороз и бесконечность покорённых, но не вполне освоенных пространств—для России.

И всё-таки русские и японцы—люди очень разные и навсегда останутся разными, несмотря на соседство. Это где-нибудь в Москве мы можем бравировать своим азиатством. В Японии сразу чувствуешь, что ты не просто „гайдзин“, то есть чужак, а—европеец».

Василий Авченко

«Несмотря на все прелести Японии, меня упорно одолевает ностальгия: чем дольше здесь живу, тем чаще и дольше хочется бывать в России. В последнее время я даже стала жить на две страны. Но, как любой мигрант, я нигде не чувствую себя дома».

Ольга Сидоренко

«Монголы, с которыми я общался во время поездки, не видели ничего странного в том, что американец, живущий в Японии, оказался так далеко от дома. Объясняя свой необычный космополитизм, один из них сказал мне: „В конце концов, мы все кочевники“.

Путешествие неизбежно меняет угол зрения—как на новые, так и на знакомые объекты,—заставляя ощутить себя потерянным и сомневаться в правильности собственного пути».

Питер Миллер

Не думаю, что терпеливым японцам пришлось по вкусу догматическое отрицание всякой иной веры. Не Другой, а именно—Иной. Христианская миссия провалилась не только в официальной Японии, но и в азиатской России. Об этом подробно—у Николая Лескова в его «На краю света». По всему видно, что дело не в содержании Вести, а в самом методе. В противопоставлении себя иноверцам. В невозможности сосуществования, в непеременимости обретения спасения ценой отказа от другой веры. В непримиримости, экспроприации правоты. Труд апостола—в побуждении Другого к мысли, в зажигании чувства. И это не плод красноречия, но—предвестие диалога. Слова не рожают смысла. Но смыслы рождают слова.

«Его сразила даже не внезапность происшедшего; разум отказывался постичь другое—почему всё так же звенит тишина? Почему стрекочет цикада? Почему жужжит муха? Человека не стало, а мир будто и не заметил. Какая нелепость! Какая жестокая мука... Почему Ты молчишь, Господи?! Ты ведь не можешь не знать, что только что здесь погиб тот одноглазый крестьянин—он умер во славу Твою. Отчего же такое безмолвие? Эта полуденная тишина?»

У Иного есть отходные пути—быть другом или чужим. Самому себе—в первую очередь.

«Он приехал сюда посвятить свою жизнь японцам, однако на деле всё выходило наоборот: это они принимали смерть ради него».

Мой

*Слова не нужны,
Чтобы оценить красоту.
Молчанье моё
Как открытая книга.
Сердцем её прочитай.
Басё*

В прошлом ноябре в очередной раз перечитала «Радугу над Буддой» — теперь уже пост на фб-странице Ольги Мальцевой. О господине Мацунаги, гранитной статуе Будды Амитабхи, подаренной им Владивостоку, о шестнадцати экспедициях японцев, организованных им же за свой и спонсорский счёт, в Приморье. О мытарствах статуи Будды, о том, как двадцать четвёртого августа 2010 года открыли её, отставленную на Океанском проспекте. В тот день на небе сияло гало. «Ущипните меня: я одна это вижу?» — предпоследние слова поста.

Вышла из гостиницы прогуляться по Александровску-Сахалинскому. Отпуск. Миновала Слободу с её музеями, вывернула к старому кладбищу, от которого и следа не осталось, подняла голову наконец... Передо мной сияло гало. Солнце

садилось, а гало всё увеличивалось, едва помещаясь под сводами небесного купола. «Ущипни меня ☺», — пишу Ольге, отсылая фотографию гало. И наконец понимаю, о чём в принтипе должна написать. Смыслы рождают слова...

Два года понадобилось, чтобы книга «Владивосток—Япония: два часа до встречи» вышла в свет на русском и японском языках. Большой труд двух редколлегий, составителя, переводчиков, дизайнеров, корректоров и редакторов, полиграфистов и, конечно, авторов. Между Берёзой и Сакурой, главными элементами оформления обложек, протекает река времени—шумный, изменчивый поток жизни.

Я читала книгу на русском. Несколько раз. Останавливалась, возвращалась, разглядывала фотографии. Начинала заново... Да что со мной?! Обычные истории, рассказанные простым, понятным языком. В них много общего, тем не менее—каждая со своим лицом. Со своими знаками препинания. Но написать об этом—не получается. Есть что-то, что больше и шире этих простых слов.

«До самого позднего вечера, одолевая путь через три храма, мы едва перекинулись парой слов—каждый остался наедине с собой. Практически в молчании прошёл и ужин в гостинице. А потом был долгий рассказ-размышление Мацунаги-сан. — У каждого человека есть своё предназначение. Возможно, моя миссия на этой земле, моё предназначение в том, чтобы вести людей в будущее, оставив прошлое прошлому. Разыскать японские могилы, помочь родственникам их посетить, по возможности перенести останки—это значит снять один из барьеров предубеждения. Общим странам нужно извлечь урок, чтобы в будущем никогда не повторилось подобное».

Ольга Мальцева

«Изобразительное искусство и музыка перекидывают мостик между тайными, подспудными мыслями и тем, что узнаваемо с точки зрения повседневного опыта. Как сказал давным-давно Чжуан-цзы: „Дао раскрывается постепенно, вещи становятся тем, что мы видим, по мере того, как мы их замечаем“. Только представьте себе: всё, что вы видите, обретает форму лишь в поле вашего зрения. Поэтому я смотрю на природные пейзажи и сцены повседневной жизни в поисках того, что ещё может скрываться за их фасадом. Ведь за ним всегда что-то скрывается».

Питер Миллер

Знакомство с книгой напомнило мне мою встречу с Байоном. В Анкоре—столице Кхмерской империи, первом миллионнике на планете людей,—туристы устремляются к чуду чудес—Анкор-Вату.

Он, конечно, потрясает монументальностью архитектуры. Но меня привлёк именно Байон—буддийский храм короля Джаявармана VII, стоящий в центре Ангкор-Тхома. Открыт всему миру—нет ни ограды, ни парадных входов. Издалека может показаться, что это нагромождение камней, не гора, так холм. (Впрочем, дословный перевод названия храма с санскрита сообщает, что это именно Львиная Скала.) По мере приближения проступают ярусы, барельефы, здание библиотеки и прочие сооружения. Храм-город многожды перестраивался: из буддийского (махаянского) в индуистский, затем снова в буддийский, но уже в традиции Тхеравады. Неизменным остался третий ярус храма. Крутые подъёмы, полумрак внутренних переходов и святилищ—и вдруг попадаешь на залитую светом террасу, щуришься, прикрывая глаза рукой. По периметру выстроились пятьдесят четыре башни. Привыкаешь, оглядываешься—вздрагиваешь! Со всех сторон на тебя смотрят лица! Двести шестнадцать каменных лиц проступают из башен, не то улыбаясь, не то похотывая над тобой. Шарахаешься из стороны в сторону, от одного к другому. Казалось—они разные: злые и добрые, светлые и тёмные. Отступила в полумрак—успокоилась. Снова вышла на свет. Попривыкла, подошла ближе. Оказалось, лица смотрят на четыре стороны света, и они—одинаковые! Одно лицо исполнено двести шестнадцать раз. То ли самого Джаявармана VII лицо, то ли бодхисатвы Авалокитешвары (Локешвары)—бодхисатвы Сострадания. И лицо это безмятежно... Меняется в зависимости от освещения и замутнённости твоего собственного сознания. Но если отринуть все страхи и предрассудки, на секунду хотя бы выключить свой внутренний шум, ощутишь радость. Почувствуешь умиротворение. Обретёшь покой. И состоится—встреча.

Почему-то не удивил факт, что реставрационные работы в Ангкоре с 1995 года проводились при финансовой поддержке японского правительства. Японские специалисты сами занимались изысканиями и реставрационными работами, обучая этому и камбоджийцев.

Не удивляет и то, что в Приморье создана книга-мост для встречи двух стран—России и Японии.

«Всё на свете меняется. Но то, что меняется внешне, может на каком-то глубинном уровне оставаться

прежним. А то, что, кажется, остаётся неизменным, может измениться, стоит лишь сменить угол зрения».

Хироаки Мияяма

«Перемещаясь из Азии в Европу, я рисовала людей, независимо от их привлекательности или расовой принадлежности. Одновременно я просила их написать мой портрет или хотя бы описать моё лицо словами. Почему я так делала? Во-первых, чтобы установить контакт, а ещё—хотелось узнать, какой я кажусь другим. В рисунке так или иначе проявляются взгляды и идеи рисующего. Может быть, мои азиатские глаза на взгляд европейца кажутся ещё более узкими? Я думала, возможно, мне удастся разглядеть это различие в видении: есть ли в нём недоброжелательность, или её нет? Поэтому мне хотелось, чтобы как можно больше людей описали моё лицо. Надо сказать, все, с кем я общалась, были ко мне доброжелательны, хотя, когда я просила нарисовать меня, мало кто соглашался, говоря: „Нарисовать можно, но я рисую плохо“. Бывало сложно объяснить мой эксперимент, но едва мои попутчики соглашались, сразу устанавливался дружеский контакт».

Юи Наканэ

«Человечество так печально»... Слушает, но не слышит, смотрит, но не видит. Свой, Чужой, Другой, Иной—все они живут глубоко внутри, говорят одновременно, путаясь и ошибаясь. Внутренний мой раздробленный человек шумит и волнуется. Мир (природа, Господь) молчит, когда он говорит. Слушает. В остальное время за него говорит сама жизнь—отверзи уши. Обратная перспектива работает, хочешь того или нет, постепенно достраивая внутренний лик. Мой, собственный.

Ну же!

Подними глаза.

Ты меня видишь?

Это не иллюзия: мы действительно видим друг друга?..

Да?

Нет?

Пожалуйста, скажи мне: кто я?

Нет нужды защищаться.

Просто—жить.

Потому что «океан такой синий».